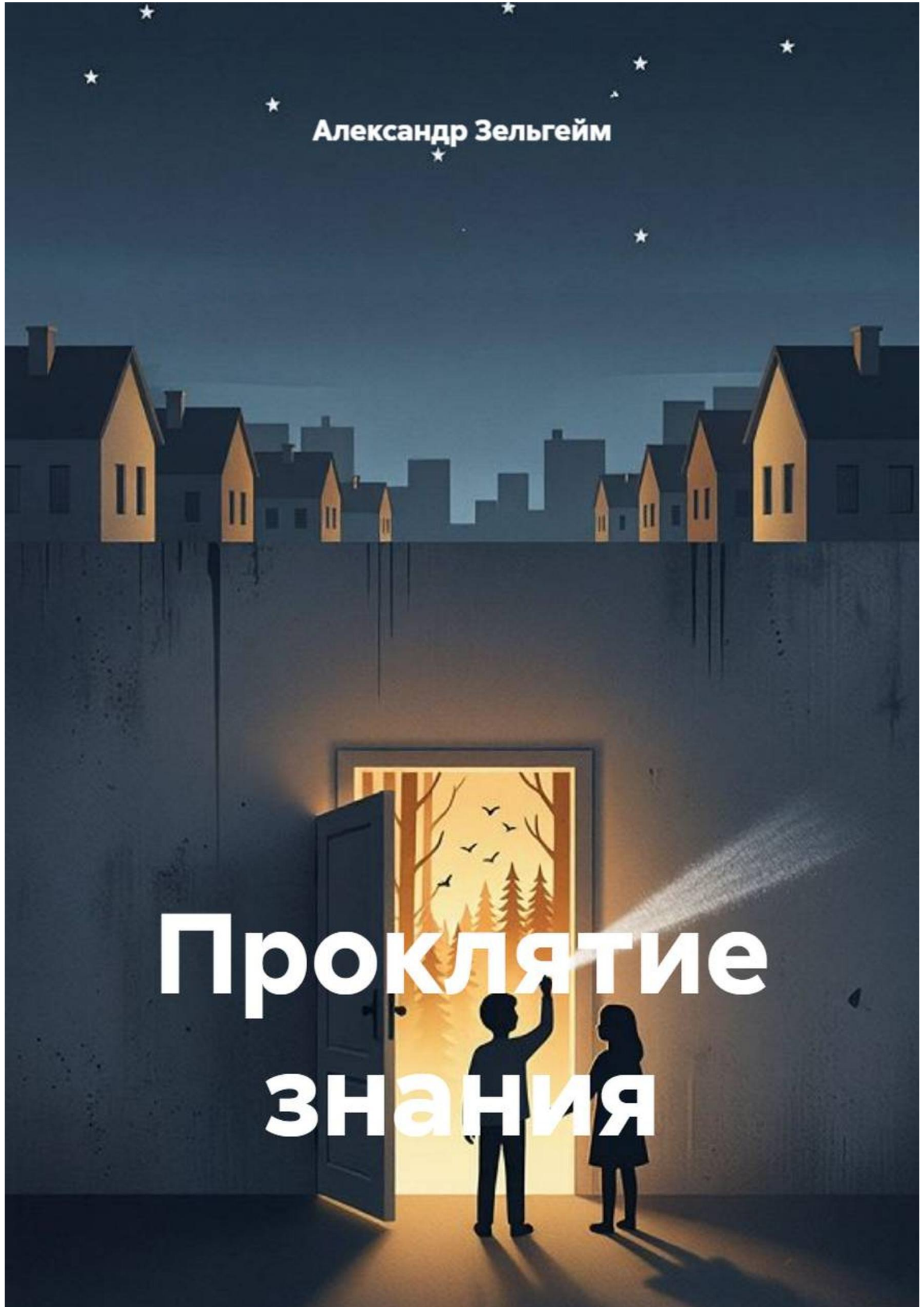

Александр Зельгейм

Проклятие знания

Александр Зельгейм

Проклятие знания

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Проклятие знания / А. Зельгейм — «Автор», 2026

Сборник из девяти рассказов-притч о тех, кто знал слишком много и потерял способность удивляться. Учитель, не сумевший объяснить простое. Врач, забывший сострадание. Программист, видевший только код. Музыкант, игравший по нотам. Архитектор мёртвых стен. Повар по рецептам. Ребёнок, ещё не знавший, что проклят. Мальчик, рисовавший двери. И та, что просто есть — дверь. Каждый прошёл через стену знания и нашёл выход — через простоту, тишину, чудо. В конце каждого рассказа — зашифрованное послание. Ключ — обычный алфавит. Кто захочет, разгадает. Кто нет — прочитает ответ в конце и улыбнётся. Книга о том, что иногда «я не знаю» — не поражение, а дверь. Для широкого круга читателей, интересующихся философией и духовным развитием. Рассказы написаны простым языком, без назиданий, подходят для семейного чтения.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Зельгейм

Проклятие знания

Глава

Девять рассказов о тех, кто знал слишком много

Эпиграф

Я благодарю своих учителей. Тех, кто был в школе — с указкой и журналом. И тех, кто был в жизни — без указки, но с болью, с вопросом, с тишиной. Благодарю людей, которые верили в меня, когда я не верил себе. Благодарю ситуации, которые ломали меня, чтобы я стал собой. Благодарю проблемы, которые не давали спать, потому что именно они научили меня удивляться. Без всего этого я не стал бы тем, кто я есть. И не сохранил бы главного — способности удивляться.

Пролог

Есть такое выражение — «проклятие знания». Психологи придумали. Оно означает: когда ты что-то знаешь, тебе кажется, что это знают все. Ты не можешь представить, что кто-то этого не знает. И поэтому ты не объясняешь. Ты просто говоришь: «Это же очевидно». А другой смотрит на тебя и не понимает.

Но это только половина. Вторая половина страшнее. Когда ты знаешь слишком много, ты забываешь, каково это — не знать. Ты теряешь способность удивляться. Ты теряешь способность видеть чудо. Ты становишься умным. Но перестаёшь быть живым.

Эта книга — о тех, кто прошёл через это. И нашёл выход. Не через отказ от знания. А через возвращение к простоте. К той простоте, которая рождается из глубины.

Девять рассказов. Девять проклятий. Девять дверей.

Рассказ первый. Учитель, который не мог объяснить простое

В классе пахло мелом и старой мебелью. На подоконнике стоял кактус — маленький, кривой, с одним отломанным шипом. Учитель поливал его раз в неделю, но всегда забывал, какой сегодня день. Кактус не жаловался. Он просто рос. Медленно. Криво. Но рос.

Его звали Пётр Ильич. Не Пётр, не Петя — именно Пётр Ильич. Так его звали ученики. Так его звали коллеги. Так его звала мать, когда была жива. Он привык. Как привыкают к старым ботинкам — не потому что удобно, а потому что разношено.

Он стоял у окна. В руках была чашка с чаем. Чай остыл. Он забыл, что держит её. Смотрел на школьный двор. Там было пусто. Только качели скрипели. Ветер раскачивал их. Медленно. Туда-сюда. Как маятник. Как часы. Как время, которое он уже не считал.

Он поставил чашку на стол. Чай пролился. Немного. На старую бумагу. Он вытер рукавом. Не заметил. Сел за стол. Открыл журнал. Закрыл. Открыл снова. Посмотрел в окно. Качели всё ещё скрипели.

Он преподавал физику тридцать лет. И все тридцать лет ему казалось, что он делает что-то не так. Он не мог объяснить, что именно. Просто чувство. Как будто он всё время опаздывает. Или не туда идёт. Или говорит не те слова.

Он знал свой предмет досконально. Мог объяснить, почему небо голубое, почему лёд скользкий, почему Земля круглая. Мог вывести любую формулу. Мог ответить на любой вопрос из учебника. Он был хорошим учителем. Это признавали все. Даже те, кто его не любил. А не любили его многие. Потому что он был сухим. Точным. Без лишних слов. И потому что он никогда не говорил «я не знаю». Никогда. Даже когда не знал.

Но когда ученик поднимал руку и спрашивал что-то простое — например, «а почему яблоко падает вниз, а не вверх?» — он вдруг терялся. Он начинал объяснять. Гравитация. Закон всемирного тяготения. Масса. Ускорение. Формулы. Он говорил быстро, уверенно, чётко. А ученик смотрел на него и не понимал.

И тогда Пётр Ильич злился. Не на ученика. На себя. Потому что он знал так много, что разучился говорить просто. Он забыл, каково это — не знать. Он забыл, что когда-то и сам смотрел на яблоко и удивлялся.

Он помнил, как в детстве нашёл на дороге стеклянный шарик. Синий. С белой спиралью внутри. Он смотрел на него на свет и не понимал: как эта спираль попала внутрь? Кто её туда вставил? Зачем? Он спрашивал у взрослых. Они пожимали плечами. Говорили: «Так сделали на заводе». Он не понимал, что такое завод. Он думал, что шарик — это чудо. Маленькое. Синее. С белой спиралью. Он носил его в кармане. Тёр большим пальцем. Гладкий. Прохладный. Он думал, что если найдёт ещё один такой, то покажет сестре. Но сестра умерла. А шарик остался. Где-то. В старой коробке. Среди пуговиц и значков.

Теперь он знал, как делают стеклянные шарики. Он мог объяснить технологию. Мог рассказать про расплавленное стекло, про формы, про спирали. Но он больше не удивлялся. И это было самое страшное.

Однажды в класс пришёл новый мальчик. Его звали Севка. Не Слава, не Всеволод — именно Севка. Так его звала мать. Так его звали друзья. Так его звали все. Он не задавал вопросов. Он просто сидел на последней парте и рисовал в тетради звёзды. Кривые. Неровные. Но живые. Пётр Ильич заметил это, но ничего не сказал. У него был план урока. У него были формулы. У него было всё, кроме времени.

На перемене он подошёл к Севке. Посмотрел в тетрадь. Севка поднял глаза. У него была содранная коленка. И рука в чернилах. И взгляд, как у того шарика. Синий. С белой спиралью.

— Почему звёзды? — спросил Пётр Ильич.

— Потому что они красивые, — сказал Севка. — А вы когда-нибудь рисовали звёзды?

Пётр Ильич задумался. Нет. Он никогда не рисовал звёзды. Он их изучал. Он их классифицировал. Он их измерял. Но не рисовал.

— Нет, — сказал он. И почувствовал, как краснеет. Как мальчишка. Как будто его поймали на чём-то стыдном.

— Попробуйте, — сказал Севка. — Это просто.

Он протянул Петру Ильичу карандаш. Простой. Серый. С отломанным грифелем. Пётр Ильич взял его. Пальцы были большие. Неуклюжие. Он давно не держал карандаш. Только ручку. Шариковую. Для журнала. Поставил точку. Неровную. Кляксу. Посмотрел на Севку. Севка не смеялся. Просто ждал.

Пётр Ильич нарисовал звезду. Кривую. Неровную. С пятью лучами. Один луч был длиннее остальных. Он посмотрел на неё. И ему стало неловко. Как будто он сделал что-то не то. Что-то детское. Что-то глупое. Он хотел скомкать листок. Но Севка сказал:

— Красиво.

— Она неправильная, — сказал Пётр Ильич. И услышал, как его голос дрогнул. Как у того мальчика. Который когда-то носил в кармане синий шарик. И тёр его большим пальцем.

— А разве звёзды правильные? — спросил Севка.

Пётр Ильич не ответил. Он смотрел на свою звезду. Кривую. Неровную. С одним длинным лучом. И вдруг почувствовал, что что-то в нём сдвинулось. Как будто внутри была стена.

И в ней появилась трещина. Маленькая. Но настоящая. Он не знал, что с этим делать. Он не знал, хорошо это или плохо. Он просто стоял и смотрел. И чувствовал, что живой.

После урока он вышел на улицу. Посмотрел на небо. Было утро. Звёзд не было. Но он знал, что они там. И он вдруг почувствовал, что смотрит на них не как учитель физики. А как тот мальчик. Который когда-то нашёл стеклянный шарик. Синий. С белой спиралью. Он постоял так минуту. Две. Пять. Потом вернулся в класс.

Сел за стол. Посмотрел на детей. Они смотрели на него. Ждали. Он открыл рот. Закрыл. Открыл снова. И сказал:

— Знаете, я, наверное, не смогу объяснить вам, почему звёзды светят. Но я могу рассказать, почему я на них смотрю.

И он рассказал. Про шарик. Про спираль. Про сестру. Про то, как он спрашивал у взрослых и не получал ответа. Про то, как он вырос и узнал ответ. Но до сих пор, когда он смотрит на звёзды, он вспоминает тот шарик. И улыбается. И ему становится немного стыдно за то, что он так долго не улыбался.

Дети слушали. И в их глазах было что-то, чего Пётр Ильич не видел много лет. Интерес. Настоящий. Не потому что надо. А потому что хочется.

После урока Севка подошёл к нему. Сказал:

— Спасибо.

— За что? — спросил Пётр Ильич. И снова покраснел. Как мальчишка.

— За то, что вы не стали объяснять.

Пётр Ильич кивнул. Он больше не боялся говорить «я не знаю». Потому что иногда «я не знаю» — это не слабость. Это дверь. Которая открыта. И за ней — не формулы. А что-то большее. Что-то, что было в нём с самого начала. Что-то, что он потерял. И нашёл. Снова.

Он полил кактус. Вспомнил, что сегодня среда. И улыбнулся. Не потому что надо. А потому что хотелось.

Зашифрованное послание

15-6 2-16-11-19-33 15-6 9-15-1-20-30

Рассказ второй. Врач, который забыл, что такое сострадание

Рука мыла руку. Вода была холодная. Кран скрипел. Григорий Семёнович намыливал пальцы медленно, тщательно, как учили в институте. Между пальцами. Под ногтями. Запястьях. Он делал это каждое утро, перед приёмом. Не потому что боялся микробов. А потому что это был ритуал. Начало. Без него день не начинался.

Полотенце было жёсткое. Он вытер руки. Посмотрел в зеркало. Оттуда смотрел человек с уставшими глазами и плотно сжатыми губами. Он не помнил, когда последний раз улыбался. Не потому что не хотел. А потому что не было повода. Или был, но он не заметил.

Первый пациент ждал в коридоре. Мужчина. Сорок лет. Справка от невролога. Григорий Семёнович знал, что там написано, ещё до того, как прочитал. Остеохондроз. Обычное дело. Он открыл дверь. Кивнул. Садитесь.

Мужчина сел. Начал рассказывать. Долго. Путано. Про боль в спине. Про то, что не может спать. Про то, что жена устала от его жалоб. Григорий Семёнович слушал. Или делал вид, что слушает. Он уже знал диагноз. Знал лечение. Знал, что через две недели будет лучше. Он ждал, когда мужчина закончит. Не потому что торопился. А потому что не знал, что сказать. Все слова были уже сказаны. Много раз. Другим людям.

Потом была женщина с мигренью. Потом подросток с растяжением. Потом старуха с давлением. Потом снова мужчина. Снова женщина. Снова. Снова. Снова. Он говорил одни и те

же слова. Записывал одни и те же назначения. Смотрел на часы. Между пациентами пил чай. Остывший. Не замечал.

Она вошла последней. Уже вечерело. За окном шёл дождь. Мелкий. Нудный. Она была в сером пальто. С оторванной пуговицей. Придерживала его рукой. Села. Сумку положила на колени. Тяжёлую. Молчала. Он тоже молчал. Заполнял карту. Писал. Писал. Писал.

— Доктор, — сказала она наконец. — У меня болит душа.

Он поднял глаза. Посмотрел на неё. Ему было пятьдесят два. Она была примерно его возраста. Может, старше. У неё были сухие руки. С потрескавшейся кожей. И глаза. Не грустные. Пустые. Как будто она уже давно никому не смотрела в глаза. Он хотел сказать что-то. Что-то правильное. Что-то из книг. Но не нашёл. И сказал то, что говорил всегда:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.